

ИСТОРИЯ

УДК 94(47)

ФОРМИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИРОТСКОГО СУДА АРМЯНСКОЙ КОЛОНИИ НАХИЧЕВАНЬ-НА-ДОНУ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

© 2020 г.

Л.В. Батиев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
Ростов-на-Дону

batiev@ssc-ras.ru

Поступила в редакцию 12.06.2020

Цель статьи – анализ организации и полномочий сиротского суда Нахичевани-на-Дону, а также определение его места в общей системе самоуправления армянской колонии, основанной переселенцами из Крыма в 1779 г. Исследование, с применением традиционных исторических методов, позволило установить подчиненное положение сиротского суда по отношению к магистрату и городскому голове, фактическое всевластие и безответственность городского головы. Впервые вводятся в научный оборот архивные материалы: «общественный приговор», которым в 1812 г. был образован сиротский суд, утверждены его первые члены, определены его полномочия и порядок действий, а также Армянский судебник, применявшийся в Нахичевани-на-Дону с 1782 г. Оценка сенатором М.Н. Жемчужниковым нахичеванского сиротского суда и предложенные им реформы показывают стремление высших чиновников к установлению унифицированной в соответствии с имперским законодательством системы управления и суда в России. В Нахичевани-на-Дону этот процесс затянулся до конца 1860-х годов.

Ключевые слова: самоуправление, магистрат, городской голова, сиротский суд, Армянский судебник, опекун.

Система местного самоуправления в России до «Городового положения» 16 июня 1870 г. отличалась большим разнообразием, одной из причин которого являлось наделение переселенческих колоний особыми правами и преимуществами. Значимым элементом этой системы были сиротские суды, в ведении которых находилось управление имуществом вдов и сирот. Малоизученный процесс постепенного встраивания полуавтономных поселений в имперскую систему имеет важное значение для научной оценки закономерностей развития российской государственности в целом и в его взаимодействии с этническими общинами в частности.

История сиротских судов в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. – тема достаточно новая, но уже привлекающая внимание ученых постсоветского периода. Исторические исследования, основанные на архивных материалах, как правило, посвящены организации и деятельности органов городского самоуправления в целом или истории собственно сиротских судов отдельных городов. Немногочисленные работы юристов имеют более общий характер и опираются прежде всего на законодательство.

На сегодня отсутствуют работы обобщающего характера, охватывающие правовые основы, организацию, предметы ведения и деятельность сиротских судов, их место в общей системе органов управления и социальную роль с учетом их эволюции на протяжении XVIII–XIX вв. и региональных особенностей. Для их создания необходимы конкретно-исторические исследования локального уровня.

Одной из таких тем является история сиротского суда, который действовал в первой половине XIX в. в армянской колонии (южно-российском городе Нор-Нахичеван (Новая Нахичевань)¹ и пяти селах в его округе), основанной армянскими переселенцами из Крыма в 1779 г. рядом с крепостью Дмитрия Ростовского в нижнем течении Дона². Исход христианского населения из Крыма (помимо 12.6 тыс. армян, с полуострова были переселены 18.4 тыс. греков, а также небольшие группы грузин и валахов) был организован российскими властями, которые обеспечили возможность обустройства на новом месте, гарантировали этническое самоуправление, а также даровали ряд привилегий переселенцам.

Специфическая система управления и суда в Нахичевани-на-Дону до последнего времени не становилась предметом специальных работ историков или правоведов. Об истории городского сиротского суда вообще известно крайне мало. Летописец Нахичевани-на-Дону Г. Патканян отметил в своей книге лишь один момент в истории сиротского суда, связанный с установлением подотчетности городского магистрата и сиротского суда Екатеринославской гражданской палате. У него же можно найти некоторые другие обрывочные сведения о сиротском суде [1, с. 82–84, 100]. В.Б. Бархударян в фундаментальной монографии «История армянской колонии Новая Нахичевань» очень скупо изложил известные ему архивные сведения о сиротском суде [2, с. 58–60]; но использованные им материалы ревизии сенатора М.Н. Жемчужникова содержат довольно много конкретных сведений об организации и правилах функционирования сиротского суда в рамках общей системы армянского самоуправления [3]. Важнейшим источником по истории армянского суда является Армянский (Астраханский) судебник. Сенатор М.Н. Жемчужников, ревизовавший в 1843–1844 гг. Таганрогское градоначальство и Нахичеванский округ³, сообщает, что, согласно донесению Нахичеванского магистрата от 11 января 1844 г. за № 20, достоверных, основанных на фактах сведений о Судебнике, нет. «Известно только, по местным преданиям и свидетельству некоторых старожилов Нахичевана, что книга Армянских законов привезена из Астрахани архиепископом Иосифом князем Аргутинским Долгоруковым в 1782 году, когда он в первый раз посетил Нахичеван, и что сия книга считается введенною в употребление в Нахичеванском округе с того же времени» [3, л. 17–17 об.]. Но о сиротском суде в нем ничего не сказано. Подробный пересказ Судебника с предисловием и некоторыми комментариями (в том числе и главы «Об опеке») был опубликован в 1870 г. К. Алексеевым [4]. Указанное издание по очевидной причине также не содержит сведений о сиротском суде Нахичевани. Небольшая часть Судебника опубликована на русском языке в 2000 г. [5, с. 641–693]. В справочном издании министерства внутренних дел о городских поселениях России среди органов городского самоуправления Нахичевани-на-Дону указан и сиротский суд, «присутствие» которого состоит из городского головы и двух попечителей по выбору [6, с. 205]. Это, по существу, вся литература и источники по истории сиротского суда Нахичевани.

Правовой статус армянской колонии был определен «Жалованной грамотой вышедшим

из Крыма христианам армянского закона» 14 ноября 1779 г., дарованной армянам Екатериной II. Согласно пятому пункту грамоты, переселенцы получили право «учредить магистрат и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновением выбираемыми из вас же по жребию начальниками, коим и пользоваться чинами и жалованием по штату Азовской губернии и быть под апелляцией наместнического правления»⁴ [7].

Армянский Нахичеванский магистрат, созданный в 1780 г. [1, с. 43] на основании жалованной грамоты⁵, «содержал в себе все управляющие учреждения и города и сел: он был и судом, и полицией, и городской думой для переселенцев» [8, с. 1]. Он «заведовал не только судебными делами, но и полицейскими, распорядительными, опекунскими и делами городского хозяйства» [4, с. 4]. Одному из судей Нахичеванского армянского магистрата были поручены «дела по попечительству, которые требовали его постоянного присутствия во время составления списков разных предметов, оценивания и других подобных действий» [8, с. 1].

В течение первых нескольких лет после его учреждения магистрат заведовал и «городскою хозяйственностью. ... Потом хозяйственная часть перешла в ведение городских голов, с обращением на них обязанности в доставлении ежегодных отчетностей Казенной палате» [9]. В магистрате не сохранилось письменных данных о том, на каком основании, когда и кем именно было учреждено звание городского головы в г. Нахичевани. Но по запросу М.Н. Жемчужникова было выяснено, что городской голова был в Нахичевани еще в 1791 г. [3, л. 78 об.–79]. Однако из «Истории Новой Нахичевани» Г.С. Патканяна известно, что городской голова существовал в городе с самого начала его образования, и даже ранее того – во время долгого и тяжелого перехода из Крыма [1, с. 44]⁶.

В мае 1781 г. стараниями архиепископа И. Аргутинского был написан Устав и сформирован духовный суд Нахичевани из двух судей – старших иереев и председателя суда вардапета Карапета [8, с. 141–142, 147]. Однако сведений о том, что духовный суд имел отношение к решению вопросов о сиротах, об установлении опеки и другим подобным вопросам, нет. Известно, что со временем члены духовного суда были обязаны участвовать в заседаниях городской думы, а судьи магистрата приглашались на собрания духовного суда. Магистрат, как более могущественный орган, начал главенствовать и решал вопросы, которые были в компетенции духовного суда [8, с. 147]. Таким образом, все вопросы, связанные с опекой над несовершенно-

нолетними и управлением их имуществом, находились в ведении магистрата.

Ревизионную инстанцию по отношению к суду магистрата, согласно Армянскому судебнику [10], составляли девять судей, избираемых обществом из числа «саих уважаемых, понимающих людей, знающих законы. Они должны были следить, чтобы судьи выполняли свои служебные обязанности, должны были при необходимости занять место судьей и отменить их несправедливые решения» [8, с. 7]. В их власти было отменить неправосудные решения и вынести вновь решение по существу дела – «и смотря по мере неправильности», наложить на судей штраф в пользу казны. При необоснованном обжаловании решения судей «проситель обязывается каждому из них по 100 руб. бесчестия», десятая часть неправильно искомой суммы взыскивается в пользу казны [10, л. 223 об.]. Жалобы на решения девяти судей (крайне редкие в первое время) подавались в наместнический суд, или судебную палату [8, с. 7].

В чем состояла причина образования сиротского суда именно в 1812 г., неизвестно. Сенатор М.Н. Жемчужников в отчете о проведенной ревизии в Нахичевани в 1843–1844 гг. писал, что «невнимание главных местных начальников к армянской колонии вынудило их учредить по особому приговору общества в 1812 году Сиротский суд» [3, л. 14 об.–15]. Однако такое заявление требует уточнений.

Во-первых, следует отметить, что Жемчужников был крайне критично настроен к деятельности шестого Таганрогского градоначальника барона Отто фон Франка и при обнаружении любых недостатков в управлении ссылался на бездействие градоначальства [3, л. 8 об., 28 об., 41 об., 80 об., 83 об., 90 об., 91, 96].

Нахичеванский округ (вместе с Ростовом и Мариуполем) перешел в подчинение Таганрогского градоначальства в 1807 г. [11]. При этом в судебном отношении города Ростов, Мариуполь и Нахичевань оставались в подчинении Екатеринославу. Через год, 12 июня 1808 г., таганрогскому градоначальнику решено было поручить ревизию уголовных дел чиновников, относящихся к его ведомству. Что же касалось уголовных дел жителей упомянутых выше городов, то они должны быть отсылаемы по-прежнему на рассмотрение и утверждение к гражданскому губернатору в Екатеринослав [12]. По всем судебным делам вышестоящей инстанцией оставались губернские органы. Таким образом, говорить о бездействии таганрогского градоначальства в этом отношении было бы неверно.

Во-вторых, известно, что екатеринославские власти пытались решить эту проблему. Но на-

хичеванские армяне весьма трепетно относились к дарованным Екатериной II «правам и привилегиям» и старались оградить свою автономию от любых посягательств губернских властей. Первое вмешательство губернских властей в деятельность магистрата по вопросам суда произошло, по мнению Е. Шахазиза, в связи делом нахичеванцев Каяляна и Бабикиана и закончилось упразднением суда девяти – все жалобы на решения магистрата должны были адресоваться в губернские судебные инстанции [8, с. 30–31]. Но еще ранее – в 1800 г. – была сделана попытка поставить под контроль Екатеринославской гражданской палаты деятельность Нахичеванского магистрата по сиротским вопросам.

Г. Патканян писал о возобновлении в 1823 г. преданного забвению на двадцать три года требования о подотчетности нахичеванского самоуправления Екатеринославским властям, то есть уже в 1800 г. екатеринославская гражданская палата запрашивала у Нахичеванского магистрата отчет о сиротских делах. Но городской голова и магистрат, основываясь на пятом пункте дарованной грамоты, оставили без ответа это предписание [1, с. 80]. Свидетельство Г. Патканяна подтверждается сенатским указом 1831 г. В нем на основании рапорта Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора и приложенного к нему представления Екатеринославской гражданской палаты отмечено, что доселе не было сделано распоряжения о введении в Нахичевани порядка управления сиротскими имуществами в соответствии с «Учреждением о губерниях». В результате граждане города и подведомственных ему пяти селений, основываясь на жалованной грамоте 14 ноября 1779 г. и на своих обычаях, завели у себя такой порядок, по которому «после каждого умершего выбираются в то же время к управлению и распоряжению вдовами, сиротами и их именными опекуны под отчетностью один раз в год городского главы и присяжных попечителей, кои никому уже не дают отчета, как в зависящих от них, так и в собственных их действиях и распоряжениях по опекунам» [13]. При этом отмечено также, что Екатеринославская гражданская палата пыталась подчинить своему ведению Нахичеванский сиротский суд. Еще в 1800 г. она требовала от городского магистрата отчетов о сиротских имениях «и препроводила в оный формы таковых отчетов» [13]. Общий порядок подачи жалоб на опекунов и сиротские суды был определен сенатским указом 13 января 1801 г. [14]. Во второй раз соответствующий вопрос возник в 1823 г. Екатеринославская гражданская палата по делу сирот нахичеванского мещанина Бабикова, «о ка-

зенном с имения их взыскании», предписывала магистрату доставить опись имению; в том же году, по делу подполковницы Абрамовой и ее сыновей с нахичеванским купцом Таманцевым, палата предписала магистрату «решить дело сие на основании законов» [13]. Но, как отмечается в заключении управляющего делами МВД, магистрат не доставил сведений по этим требованиям, ссылаясь на жалованную грамоту 1779 г. и на свои обычаи, по которым он якобы не обязан давать подобных отчетов. Кроме того, сенат по жалобе Таманцева признал распоряжение Екатеринославской палаты неправильным и предписал ей предоставить Таманцеву и Абрамовым разобраться медиаторским судом, согласно жалованной грамоте. В результате Екатеринославская гражданская палата осталась «как бы в нерешимости ввести по городу Нахичевану порядок в опекунах, Учреждением о губерниях предписанный» [13].

В-третьих, из заключения управляющего МВД Н.Н. Новосельцова, также приведенного в тексте сенатского указа, видно, что таганрогскому градоначальнику поступает много жалоб «на неправильное в Нахичеване управление» [13]. Поэтому таганрогский градоначальник полагал необходимым, и с его мнением согласился Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, «правила о производстве дел по сиротским имуществам и вообще по опекам, в Учреждении о губерниях изложенные, ввести во всей силе и по городу Нахичевану» [13].

В итоге сенат постановил, оставив учреждение опеки над малолетними сиротами армян в городе Нахичеване по их правам и обычаям, вменить Нахичеванскому магистрату в обязанность, в согласии с пятым пунктом грамоты 14 ноября 1799 г., доставлять Екатеринославской гражданской палате в соответствии с указом 13 (31) января 1801 г. отчеты и объяснения по жалобам [13]. Сенатский указ, по донесению Нахичеванского магистрата от 12 февраля 1844 г., исполняется в Нахичеванском округе. Однако М.Н. Жемчужников отметил, что в отчетах магистрата в Екатеринослав за 1841 и 1842 гг. не указаны число сирот и их возраст, а также не определены опекуны ко многим из них, из чего сенатор сделал вывод, что «Гражданская палата не поверяет действий Нахичеванского сиротского суда» [3, л. 75 об.]. Есть и свидетельство Г. Патканяна [1, с. 101] о том, что этот указ не нашел применения при городском голове Халипяне (А. Халибов – городской голова в 1833–1835, 1842–1854 гг.): он не захотел разобраться в финансовых делах сирот и не позволил заниматься этим Габриэлю Ходжаяну, который занимал пост городского головы в 1836–1838 гг.

Еще одно объяснение, предложенное сенатором Жемчужниковым, также не представляется достаточно убедительным: «С умножением народонаселения в Нахичеванском округе и усилением богатства жителей оного, – писал Жемчужников, – занятия ... магистрата значительно увеличились, и в 1812 году армянское общество нашло необходимым исключить управление опеками, учрежденными над малолетними и сумасшедшими из ведения сего магистрата и учредить сиротский суд» [3, л. 62–62 об.].

Население города Нахичевани и пяти окрестных армянских сел, безусловно, должно было расти, хотя данные об этом сильно разнятся. Но, по меньшей мере, в первые четырнадцать лет (1780–1793 гг.) очень высокой была убыль населения [15, с. 245] (не только из-за высокой смертности, часть переселенцев стремилась обратно в Крым [16, с. 81]). Высокая смертность означала соответственно значительное число сиротских дел.

Мы можем также предположить, что дело было не столько в увеличении численности населения и росте его благосостояния, сколько в соперничестве городского головы и магистрата за определяющее влияние на решение дел. Из этого соперничества, получив пост председателя сиротского суда, победителем вышел городской голова. Цена вопроса была, надо полагать, достаточно велика: о значительных злоупотреблениях в этой должности, правда, в более поздний период, писал Г. Патканян [1, с. 83–84, 100, 108]. Магистрат, однако, сохранил свое влияние на Сиротский суд (пункты 5, 6, 11, 13 «Общественного приговора» о создании сиротского суда), и, кроме того, именно за магистратом осталось «заведывание капиталами малолетних сирот, «управление описанными имуществами» [3, л. 15, 30, 64–65 об., 67–67 об., 76–76 об.].

Впрочем, такой порядок – председательство городского головы в сиротском суде – соответствовал в определенной мере общероссийским нормам. «Учреждение для управления губернией Всероссийской империи» 1775 г. устанавливало в главе I (где в ст. 30–31 приводится примерный штат губерний), что «при каждом городском магистрате учреждается городской сиротский суд. В городском сиротском суде председательствует городской глава и заседают 2 члена городского магистрата и городской староста» [17]. Текст ст. 31 воспроизводится и в ст. 294 главы XXI «О городском сиротском суде и его должности» [17]. Эти же правила содержит и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г. [18]. Но в российском законе был соблюден определенный баланс. Наряду с председательствующим в суде городским голо-

вой в состав сиротского суда включены также два члена магистрата и городской староста.

Сиротский суд Нахичевани был учрежден в 1812 г. по решению нахичеванского общества, о чем в собрании общества был составлен соответствующий приговор: «Мы, нижеподписавшиеся общество города Нахичевана, обще с главой, присутствующими Магистрата и с присяжными опекунами, купцы, мещане и ремесленники согласились единодушно основать в городе нашем Сиротский Суд, который сим определением и учредили по правам и обыкновениям армянским Всемиловитейшею привилегиею нам дарованным, каковому определению имеют повиноваться все сословья города Нахичевана: дворяне, купцы, мещане и прочие из низшего класса люди, как сами, так и потомство их» [3, л. 62 об.].

Приговор общества подписали около двухсот граждан, он был занесен в журнал магистрата в декабре 1812 г. под № 182 и заверен казенной печатью. Оригинал приговора был передан в сиротский суд [3, л. 69]. Учреждение сиротского суда одобрил и «Иоанн, епархиальный архиепископ армян, обитающих в России» [3, л. 69]. Запись об этом в журнале, заверенная заседателями, относится к октябрю 1813 г. [3, л. 69–69 об.].

Но главное, на что обращает внимание М.Н. Жемчужников, – правила, принятые нахичеванским обществом в 1812 г., не были рассмотрены и утверждены вышестоящим (в данном случае, губернским. – Л.Б.) начальством, которому подчинены, согласно жалованной грамоте, армяне [3, л. 26 об.–27]. Это обстоятельство, а также несоответствие некоторых норм, утвержденных приговором российскому законодательству и даже Армянскому судебнику, дало основание сенатору заявить, что нахичеванцы незаконно присвоили себе законодательную власть [3, л. 28].

Нахичеванское общество не только учредило сиротский суд, но и утвердило его первый состав и назначило судьям жалованье. Пункт первый приговора гласил: «Выбрать из среды граждан наших двух достойных людей для заседания в сиротском суде с жалованьем каждому в год по 400 рублей, смотря по времени, которые и производить из того сиротского суда, каковые и избраны нами теперь: Бабук Овакелов и Маркос Магдес-Ованесов» [3, л. 63]. Во втором пункте говорится о прочих служителях суда: «нанять из достойнейших людей одного письмоводителя и одного десятского служителя, всех четыре человека, которые обязаны ежедневно в назначенное время собираться в том суде и заниматься своим делом без всякого послабления» [3, л. 63–63 об.].

Пункты третий и четвертый содержат нормы преимущественно процедурного характера и определяют порядок оценки и распоряжения имуществом умерших, а также процент, взимаемый в пользу суда: «3^е. Письмоводитель с одним из членов суда обязаны ходить в дом умерших (как прежде, так и ныне и на будущее время) мужчин и женщин и малолетних детей и все им принадлежащее по наследству от родителей или родственников имение и вещи как наличное, так и не наличное раздробно все описать с возможною точностью, а не возможное оставить; оценить их и цену записать в журнале сиротских дел для соблюдения пользы и сохранения собственности сирот и вдов, и для учинения потом законного по правам нашим раздела между наследниками. Из таковых имений, по описи и приведении в известность всей суммы их, заплатить долги и что останется затем подлежащего к разделу из той суммы взимать в пользу Сиротского Суда по два процента с рубля, не менее. 4^е. По учинении описи имению покойника и долгам его следуемым к получению и подлежащих платежу сиротский суд приступает к уплате последних из имения или денег; при каковом случае с каждой уплачиваемой суммы следует взимать по копейке с рубля и таким образом уплачивать долги» [3, 63 об.–64].

Из текста пунктов 5, 6, 11 и 13 видно, что сиротский суд оказался в подчиненном положении по отношению и к магистрату, и к городскому голове. Так, пункт 5 гласит о том, что имущество несовершеннолетних и умалишенных наследников остается «под надзором сиротского суда, градского главы и магистратских членов» [3, л. 64]. Пункт 6, требуя пустить деньги сирот в рост «под проценты ил верный залог» [3, л. 65], оговаривает: «Во всем этом поступать с ведома градского главы и магистратских членов для верности и целости сиротских капиталов и их процентов, из которых если что будет растрчено, то ответственность в потере падет на тогдашнего главу, присутствующих магистрата и на двух членов сиротского суда» [3, л. 65]. Пункт 11 требует получения согласия магистрата «о продаже имения и уплате долгов умершего» [3, л. 67]. Наконец, пункт 13, как бы подытоживая написанное, требует, чтобы все действия сиротского суда были с ведома градского головы и членов магистрата [3, л. 68].

Из текста устава сиротского суда, утвержденного общественным приговором, видно, что его составители попытались сохранить полномочия магистрата. Правовую основу такого подхода составлял пункт пятый жалованной грамоты Екатерины II, толкуемый нахичеванцами как предоставляющий магистрату всю

полноту власти в армянской колонии. Однако в итоге у магистрата и городского головы оказались одинаковые полномочия. Благодаря такому формальному равновесию (или точнее – соединению полномочий двух органов) реальная власть на практике оказывалась у того, кто обладал большим авторитетом и поддержкой городской верхушки. М.Н. Жемчужников, описывая общий статус городского головы, отмечал, что «пространство власти сего почетного лица зависит от личных его качеств и от уважения, которым он пользуется в Нахичеванском округе» [3, л. 79–79 об.].

Сиротский суд, несмотря на свое название, не был судебным органом, предназначенным для разрешения споров. Его функции были управленческого характера и заключались в следующем: описание, оценка и регистрация имущества после умершего (п. 3), оплата его долгов (п. 4), при необходимости – с разрешения магистрата – продажа имущества умершего, в том числе недвижимого, для выплаты долгов (п. 11), управление наследным имуществом – отдача его под проценты и финансирование за счет наследства и процентов содержания сирот (п. 5–6), распоряжение выморочным имуществом (п. 14), в том числе «чужестранца» (п. 15), взимание налога в пользу суда – по 2% при разделе имущества между наследниками или выдаче его единственному наследнику (п. 3, 9) и по 1% при уплате долгов покойного (п. 4), с отдаваемых в рост капиталов (п. 5), выморочных имений (п. 14), имений чужестранцев, умерших в Нахичеване (п. 15). Между тем, как указывал М.Н. Жемчужников, по законам же империи в пользу сиротских судов никаких сборов не взимается [3, л. 71 об.–72], но должны взиматься 5% в пользу опекунов за их труды. В Нахичевани опекуны назначались из «достаточных граждан и членов суда» и не получали платы за свои труды – вопреки норме Армянского судебного [3, л. 72 об.–73].

Сиротский суд должен осуществлять надзор за малолетними и умалишенными наследниками (п. 5) и вообще «быть отцом сирот во всех своих действиях»: заведовании делами, назначении опекунов, истребовании от опекунов отчетов, представительстве интересов сирот в судах. Суд должен иметь попечение и обо всем прочем в соответствии с российскими законами, переведенным на армянский язык (п. 13). Сиротам, «которым не останется ничего по смерти их родителей», суд обеспечивает помещение, содержание, «обучение ремеслу или в училище» [3, л. 67 об.]; помещение и содержание обеспечивается также вдовам и их дочерям,

оставшимся без помощи (п. 12). Опека не учреждалась при незначительности имения: «малолетние поручаются попечению в живых оставшихся отца или матери, а за неимением их – совершеннолетним наследникам или родственникам; самое же имение, с согласия совершеннолетних наследников или родственников, обращается чрез продажу в денежный капитал, который и остается в распоряжении суда для отдачи в рост и для доставления малолетним содержания» [3, л. 73 об.–74].

Статус сиротского суда, как отмечено выше, не был определен в Армянском судебнике. Но в нем содержится целая глава «Об опеке» [10, л. 68 об.–73 об.], посвященная предмету деятельности сиротского суда. Общественный приговор 1812 г. установил ряд норм материального права, которые противоречили Армянскому судебнику и не соответствовали российскому законодательству, хотя и переведенному специально на армянский язык. Кроме того, сиротский суд (а заодно и магистрат с городским головой) не всегда следовал нормам Армянского судебного. На эти обстоятельства весьма настойчиво указывал и сенатор М.Н. Жемчужников [3, л. 70–75]. Кроме состава суда и подчинения его магистрату и городскому голове, о чем сказано выше, следует отметить также отсутствие у сиротского суда права управления описанными имуществами (полномочия в этой области остались в ведении заседателей магистрата), вопреки ст. 3952 и 3959 X тома Свода гражданских законов [3, л. 75–77 об.].

Магистрат и городской голова совместно должны были решать вопросы опекуновства и управления сиротским имуществом посредством сиротского суда. На практике реальные полномочия были присвоены городскими головами, которые отказывались давать отчет как магистрату, так и губернским властям. Как итог – плачевное состояние сиротских дел во второй четверти XIX в., о котором писал современник [1, с. 100].

Сиротский суд Нахичевани представлял собой продукт соединения требований российского законодательства, Армянского судебного, составленного армянами Астрахани во второй половине XVIII в., а также правотворчества нахичеванцев, которое выразилось в приговоре 1812 г. и правоприменительной практике судей, которые по-своему применяли (или не применяли) некоторые нормы Судебника. Отметим эти обстоятельства и несоответствие организации и деятельности сиротского суда Нахичевани российскому законодательству (так же, как и Судебника), сенатор М.Н. Жемчужников, наря-

ду с другими реформами, предложил упразднить сиротский суд Нахичевани. На его месте предлагалось, в соответствии российским законодательством, «учредить сиротский суд Нахичеванского округа нахичеванского городского головы (председатель суда), двух заседателей и особо избранного городского старосты и вверить ему управление как сиротскими, так и описными имуществами всех Нахичеванских жителей, не исключая и поселян» [3, л. 102 об.–103].

Однако предложения сенатора по приведению системы самоуправления Нахичеванского округа не были реализованы. Сиротский суд, как и магистрат, просуществовали до реализации судебной реформы в Нахичевани и введения в действие «Городового положения» 1870 г. Начиналась новая эпоха. Из армянской колонии с дарованной автономией и этнической системой самоуправления и суда Нахичевань стремительно превращалась в заштатный южно-русский город⁷.

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2019 г., № проекта АААА-А19-119011190185-9.

Примечания

1. В 1838 г. во избежание путаницы с г. Нахичевань в Армянской области южнороссийский тезка был переименован в Нахичевань-на-Дону [19].

2. На месте крепости и ее предместий вырос г. Ростов-на-Дону, к которому в 1928 г. был присоединен и г. Нахичевань-на-Дону, к этому времени уже фактически сросшийся с более населенным и экономически развитым соседом. В 1929 г. бывшая Нахичевань стала Пролетарским районом Ростова-на-Дону.

3. Подробнее о материалах ревизии см. в статье [20].

4. Сенатор М.Н. Жемчужников в отчете по результатам ревизии признавал, что «применяясь к точному смыслу привилегии и принимая в соображение штат армянского магистрата, заключить должно, что все части управления Нахичеванским округом должны находиться в ведении одного магистрата» [3, л. 14].

5. Подробнее о магистрате см. [21].

6. Подробнее о городских головах Нахичевани-на-Дону см. [22].

7. Подробнее о переводе всей системы самоуправления на общероссийские нормы см. [23].

Список литературы

1. Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань, Б. и., 1917 (на арм. яз.). 120 с.
2. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
3. Российский государственный исторический архив. Ф. 1405, оп. 42, д. 6812 «О обревизовании сенатором Жемчужниковым Нахичеванского округа».
4. Алексеев К. Изложение законоположений, заключающихся в Армянском судебнике. М.: В университетской типографии (Катков и К^о), 1870. 89 с.
5. Авакян Р.О. Памятники армянского права. Ереван: ЕФ МНЮИ – XXI век, 2000. 1200 с.
6. Городские поселения в Российской империи. Т. 2. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1861. 587 с.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830 (далее – ПСЗ-I). Т. 20. № 14942.
8. Шахазиз Е. Исторические зарисовки. Тифлис: Тип. Т.М. Ротинянца, 1903 (на арм. яз.). 239 с.
9. Национальный архив Армении. Фонд 139, опись 1, д. 122, л. 3об.
10. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 660, 1 оп., д. 477 Армянский судебник.
11. ПСЗ-I. Т. 29. № 22671.
12. ПСЗ-I. Т. 30. № 23084.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-II). Т. 6. СПб., 1831. № 4842.
14. ПСЗ-I. Т. 26. № 19741.
15. Келле-Шагинов И.М. Моя единственная жизнь. Ростов-на-Дону: Старые русские, 2015. 320 с.
16. Араджиони М.А. Формирование армянских общин в Восточном Крыму // Исследования по арменистике в Украине. Симферополь: Предприятие «Феникс», 2008. С. 79–93.
17. ПСЗ-I. Т. 20. № 14392.
18. ПСЗ-I. Т. 22. № 16187.
19. ПСЗ-II. Т. 13. СПб., 1839. № 10976.
20. Батиев Л.В. Ревизия Жемчужникова как источник по истории самоуправления Нахичевани-на-Дону // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 1. С. 16–21.
21. Батиев Л.В., Казаров С.С. Ново-Нахичеванский магистрат: происхождение, структура, функции // Былые годы. 2018. Т. 48. № 2. С. 518–527.
22. Батиев Л.В., Минасян Э.Г. Документы по истории самоуправления Нахичевани-на-Дону в конце XVIII–середине XIX в. из национального архива Армении // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 218–230.
23. Батиев Л.В. Трансформация органов самоуправления Нахичевани-на-Дону в 1860-е годы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 1. С. 155–173.

**FORMATION AND MAIN DIRECTIONS OF ACTIVITY
OF THE ORPHAN COURT OF NAKHICHEVAN-ON-DON
IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY**

L.V. Batiev

The purpose of the article is to analyze the organization and powers of the Orphan court in Nakhichevan-on-Don, as well as to determine its place in the general management system of the Armenian colony, founded by immigrants from the Crimea in 1779. The study, using traditional historical methods, made it possible to establish the subordinate position of the Orphan court to the magistrate and the mayor, the actual omnipotence, and irresponsibility of the mayor. For the first time, archival materials are introduced into scientific circulation – the “public sentence”, which established an Orphan court in 1812, approved its first members, determined its powers and procedures, as well as the Armenian Judicial, which has been used in Nakhichevan-on-Don since 1782. Senator M.N. Zhemchuzhnikov’s evaluation of the Nakhchivan orphan court and the reforms proposed by him show the desire of senior officials to establish a unified system of governance and court in Russia under imperial law. In Nakhichevan-on-Don, this process dragged on until the end of the 1860s.

Keywords: self-government, magistrate, mayor, orphaned court, Armenian court, guardian.

References

1. Patkanyan G. Istoriya Novoj Nahichevani. Nahichevan', B. i., 1917 (na arm. yaz.). 120 s.
2. Barhudaryan V.B. Istoriya armyanskoj kolonii Novaya Nahichevan'. Erevan: Ajastan, 1996. 528 s.
3. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1405, op. 42, d. 6812 «O obrevizovanii senatorom Zhpemchuzhnikovym Nahichevanskogo okruga».
4. Alekseev K. Izlozhenie zakonopolozhenij, zaklyuchayushchihsya v Armyanskom sudebnike. M.: V universitetskoj tipografii (Katkov i K^o), 1870. 89 s.
5. Avakyan R.O. Pamyatniki armyanskogo prava. Erevan: EF MNYuI – XXI vek, 2000. 1200 s.
6. Gorodskie poseleniya v Rossijskoj imperii. T. 2. SPb.: Tip. tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1861. 587 s.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e. SPb., 1830 (dalee – PSZ-I). T. 20. № 14942.
8. Shahaziz E. Istoricheskie zarisovki. Tiflis: Tip. T.M. Rotinyanca, 1903 (na arm. yaz.). 239 s.
9. Nacional'nyj arhiv Armenii. Fond 139, opis' 1, d. 122, l. 3ob.
10. Gosudarstvennyj arhiv Saratovskoj oblasti (GASO). F. 660, 1 op., d. 477 Armyanskij sudebnik. 11. PSZ-I. T. 29. № 22671.
12. PSZ-I. T. 30. № 23084.
13. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e (dalee – PSZ-II). T. 6. SPb., 1831. № 4842.
14. PSZ-I. T. 26. № 19741.
15. Kelle-Shaginov I.M. Moya edinstvennaya zhizn'. Rostov-na-Donu: Starye russkie, 2015. 320 s.
16. Aradzhioni M.A. Formirovanie armyanskich obshchin v Vostochnom Krymu // Issledovaniya po armenistike v Ukraine. Simferopol': Predpriyatye «Feniks», 2008. S. 79–93.
17. PSZ-I. T. 20. № 14392.
18. PSZ-I. T. 22. № 16187.
19. PSZ-II. T. 13. SPb., 1839. № 10976.
20. Batiev L.V. Reviziya Zhemchuzhnikova kak istochnik po istorii samoupravleniya Nahichevani-na-Donu // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2020. № 1. S. 16–21.
21. Batiev L.V., Kazarov S.S. Novo-Nahichevanskij magistrat: proiskhozhdenie, struktura, funkcii // Bylye gody. 2018. T. 48. № 2. S. 518–527.
22. Batiev L.V., Minasyan E.G. Dokumenty po istorii samoupravleniya Nahichevani-na-Donu v konce XVIII–seredine XIX v. iz nacional'nogo arhiva Armenii // Novoe proshloe. 2019. № 2. S. 218–230.
23. Batiev L.V. Transformaciya organov samoupravleniya Nahichevani-na-Donu v 1860-e gody // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2020. T. 19. № 1. S. 155–173.